

МИХАИЛ КРОМ

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

МОСКОВСКАЯ РУСЬ
XV-XVI ВЕКОВ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Михаил Кром

**Рождение государства.
Московская Русь XV–XVI веков**

«НЛО»

2018

Кром М. М.

Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков /
М. М. Кром — «НЛО», 2018 — (Что такое Россия)

Эта книга – о становлении российской государственности. Но вместо традиционного рассказа о военных походах и присоединении земель автор акцентирует наше внимание на внутренних аспектах государственного строительства: обретении суверенитета, формировании структур управления, функциях монарха и его советников, выработке ключевых понятий и идеологии, роли выборных органов и т. д. Развитие Московского государства в XV – начале XVII века автор рассматривает в широкой сравнительной перспективе – от Испании на западе до Османской империи на востоке – и приходит к выводу, что перед нами один из вариантов общеевропейской модели современного государства. Михаил Кром – доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, специалист по истории раннего Нового времени и исторической компаративистике, автор множества научных работ.

© Кром М. М., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

ОТ АВТОРА	5
РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО XV–XVI ВЕКОВ В ЗЕРКАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)	6
Глава 1. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ЕГО СОСЕДИ В 1425 ГОДУ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Михаил Кром

Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков

ОТ АВТОРА

Книга, которую держит в руках читатель, необычна, хотя она посвящена хорошо известному, многократно описанному сюжету – возникновению и развитию Российского государства в XV–XVI веках. Прежде всего, вместо традиционного рассказа о военных походах и присоединении тех или иных земель я сделал акцент на *внутренних* аспектах государственного строительства: обретении суверенитета, формировании структур управления, функциях монарха и его советников, выработке ключевых понятий и идеологии, роли выборных органов и т. д. Кроме того, впервые этот процесс рассматривается в широкой сравнительной перспективе, и поэтому, хотя на обложке значится лишь Московская Русь, в тексте книги делаются многочисленные экскурсы в историю других стран – от Испании на западе до Османской империи на востоке.

Наконец, книга необычна еще в одном отношении: как правило, в издании, адресованном широкой аудитории, популяризируется уже существующая научная литература, я же решился представить на суд публики новую концепцию возникновения Российского государства еще до появления обобщающей монографии на эту тему. Возможно, взыскательные коллеги найдут в книге упрощения и недостаточно обоснованные гипотезы, и все же я думаю, что риск в данном случае оправдан. Во-первых, сама тема настолько сложна и необъятна, что ее монографическая разработка потребует еще многих лет исследований и, возможно, усилий целого авторского коллектива. А во-вторых, научно-популярный жанр, наряду с риском неизбежных упрощений, имеет и свои достоинства, а именно возможность доступным языком, ясно и лаконично описать сложную проблему. Этой возможностью я решил воспользоваться, а насколько удачно получилось, судить, разумеется, читателю.

М. М. Кром

Санкт-Петербург, октябрь 2017 г.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО XV–XVI ВЕКОВ В ЗЕРКАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

СОБИРАНИЕ ЗЕМЕЛЬ ИЛИ СОБИРАНИЕ ВЛАСТИ?

Знакомый нам по многим историческим трудам и учебникам образ московских князей – «собирателей Русской земли» восходит к средневековой традиции. Уже автор «Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича» (памятник первой половины XV века) назвал деда своего героя, Ивана Калиту, «собирателем русской земли». Этот образ, очевидно, пришелся по душе московским книжникам: живший в эпоху Ивана Грозного составитель обширного исторического труда – Степенной книги царского родословия – не только включил в свое повествование упомянутую выше характеристику Ивана Калиты, но и использовал тот же эпитет в панегирике великому князю Ивану III, назвав последнего «достохвальным супостатов победителем и собирателем Богом дарованного ему отечества». Иными словами, великий князь Иван Васильевич, по мысли книжника XVI века, «собирал» то, что по Божьей воле составляло его наследственное достояние («отечество»), т. е. земли предков.

В Степенной книге содержится целостная доктрина династического государства, основанного на непрерывной цепи поколений князей – предков царствующего монарха, Ивана IV. Заметное место в этом ряду отведено князю Георгию (Юрию) Владимировичу Долгорукому, при котором была основана Москва, и родоначальнику московских князей Даниилу Александровичу (младшему сыну Александра Невского). О первом из них сказано:

сий великий князь Георгий Владимерич, в богоспасаемом граде Москве господствуя, обновляя в нем первоначальственное скипетродержание благочестиваго царствия, идеже ныне благородное их царское семя преславно царствуют, десницею божественного промысла укрепляеми и благодатью его соблюдаеми.

сей великий князь Георгий Владимирович, правя в богоспасаемом граде Москве, возрождая в нем первоначальное скипетродержание благочестиваго царства, где ныне благородные их царские потомки славно царствуют, десницей божественного промысла укрепляемые и благодатью его хранимые.

Та же вера в провидение, предопределяющее ход событий, присутствует и в характеристике князя Даниила Московского, которому Богом поручено было «в наследие богоснабдимое державство (хранимая Богом держава. – М. К.) преименитаго града Москвы». И хотя, как признает автор, в те времена «царство Московское не толико бысть многовластно», т. е. не было столь могущественно, но и тогда Богом хранимый князь Даниил «ни от кого же ратуем не бываше» (ни от кого не подвергался нападениям).

При таком – провиденциальном и генеалогическом – осмыслении прошлого, когда история страны излагалась как родословие богоспасаемой правящей династии, вопрос о времени и обстоятельствах образования Московского государства даже не мог возникнуть. Самодержавная монархия мыслилась изначальной и неизменной (в Степенной книге Рюрик, Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий – все именуются «самодержцами»), а при основании новых стольных городов (Владимира, затем Москвы) «скипетродержание», по выражению искусного в плетении словес автора, лишь «обновлялось».

Схема русской истории, созданная книжниками XVI века, оказала влияние на всю последующую отечественную историографию. Ее контуры проступают, в частности, в широко известной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Подобно автору Степенной книги, знаменитый историограф верит в изначальность и спасительность единодержавия для России и точно так же ведет нить повествования из Киева во Владимир, а оттуда – в Москву.

Крупнейший отечественный историк XIX века С. М. Соловьев, следуя за летописцами в изображении объединения Северо-Восточной Руси вокруг Москвы, постарался дать научное объяснение лидирующей роли последней, указав на выгоды ее географического – «срединного» – положения. Так под пером С. М. Соловьева обрела новую жизнь формула средневековых книжников – «Москва собирает Русскую землю». Повторив эти слова несколько раз на страницах своего труда и подкрепив их собственной аргументацией, ученый прочно вписал старинную формулу в историческую науку XIX–XX веков.

Попытку пересмотра привычной схемы предпринял А. Е. Пресняков в книге «Образование Великорусского государства» (1918). Справедливо отметив «характерную для всей нашей историографии подмену вопроса об образовании великорусского государства частным вопросом о „причинах возвышения Москвы“», историк сумел преодолеть традиционный «московцентризм» и представить широкое полотно политической жизни Северо-Восточной Руси на протяжении нескольких столетий; в поле его зрения, наряду с великим княжением Владимирским и московским княжеским домом, попали также Тверь, Нижний Новгород и Рязань. Новаторскими были наблюдения автора о том, что процессы дробления земли и власти и противоположные им тенденции к усилению политического единства протекали параллельно и взаимодействовали друг с другом. А главная мысль, проходящая красной нитью через всю книгу, полностью опровергала пресловутую доктрину «собирания земель»: «Не землю собирали московские князья, а власть; не территорию своей московской вотчины расширяли, а строили великое княжение, постепенно и упорно превращая его в свое „государство“».

Книга Преснякова до сих пор остается лучшей обобщающей работой из всех, что написаны на эту тему. Ее можно считать наиболее последовательной попыткой освободить научную мысль от влияния схемы, созданной еще средневековыми книжниками и затем унаследованной русскими историками XIX века. Однако полностью преодолеть силу историографической традиции Преснякову не удалось. Подобно своим предшественникам, он ограничился, по собственному признанию, изучением *внешней* истории образования государства, т. е. междукняжеских отношений и великокняжеской политики, в то время как его внутренняя организация (аппарат управления, финансы и т. д.) осталась вне рассмотрения. Связь с предшествующей историографией проявилась также в выборе широких хронологических рамок исследования (XIII–XV века) и в изолированном изучении русской истории, без попыток сопоставления с опытом других стран.

За сто лет, миновавшие с момента выхода книги А. Е. Преснякова, вышло немало работ, прояснивших те или иные аспекты истории Московской Руси, однако следует признать, что новой научной концепции, удовлетворительно объясняющей суть процесса формирования Российского государства, до сих пор не предложено.

Оценки, даваемые в современной литературе Русскому государству конца XV–XVI века, сильно зависят от политических взглядов пишущего: «государственники» восхищаются державой Ивана III и его потомков, а либерально мыслящие авторы сурово порицают деспотизм московских правителей, причем истоки этого деспотизма они нередко обнаруживают в наследии монголов. Но если отложить в сторону моральные оценки, то как определить сложившееся на Руси к концу XV века государство и каков вектор его развития в последующие века?

Для ответа на эти вопросы нам совершенно необходимо сравнить Великое княжество Московское, а затем – Российское царство с другими государствами на Западе и на Востоке, ведь только так мы сможем понять, что в нем было уникально и что – типично, а следовательно,

о каком типе государственности идет речь и каковы его характерные черты. Отсутствие такой сравнительной перспективы долгое время мешало ученым отделить важные черты изучаемого явления от второстепенных. Именно этим, на мой взгляд, объясняется удивительная живучесть старого мифа о «собираании русских земель вокруг Москвы». Государство, по существу, отождествляется с непременно большой территорией, находящейся под одной властью, а процесс его формирования – с механическим присоединением все новых и новых земель.

Между тем в мировой исторической науке накоплен большой объем наблюдений, относящихся к генезису так называемого «модерного» государства, т. е. государства Нового времени, и многие его черты обнаруживаются в Московской Руси XV–XVII веков.

МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО: ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Современные концепции современного государства восходят к наследию великого немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920). В посмертно опубликованном трактате «Хозяйство и общество» он разработал учение о бюрократии как основе государственного управления и ведения бизнеса в современных обществах. По мнению Вебера, бюрократия как тип господства идет на смену традиционной – патриархальной или патримониальной («вотчинной») – монархии. Развитая бюрократия отличается от предшествующих типов господства не только рациональной организацией и более высокой эффективностью управления: меняются и отношения внутри властной вертикали. Чиновник – в идеале, конечно! – уже не является личным слугой правителя; государственная должность становится призванием и рассматривается как выполнение долга, как служение не лицам, а «безличным и функциональным целям». Отмеченное Вебером различие между «*безлично* ориентированным бюрократическим господством» и прежним, патриархальным порядком, основанным на личной преданности господину, указывает направление, в котором шло развитие государства раннего Нового времени.

Прошло почти полвека, прежде чем историки оценили по достоинству эти наблюдения Вебера. Но уже в книге известного американского медиевиста Джозефа Стрейера «О средневековых истоках государства Нового времени», вышедшей в 1970 году, явно чувствуется влияние великого немецкого социолога.

Стрейер говорит не о государстве вообще, а об определенном типе государственности – *modern state*, – который зародился в Средневековье и получил развитие в Новое и Новейшее время. По мнению историка, характерными признаками такого государства являются: 1) устойчивость в пространстве и во времени; 2) «формирование безличных, относительно постоянных политических институций»; 3) «перенос лояльности с семьи, местного сообщества или религиозной организации на государство и обретение государством морального авторитета для поддержки его институциональной структуры и теоретического верховенства его законов».

Второй признак в этом перечне прямо повторяет веберовскую характеристику бюрократии Нового времени, а третий можно рассматривать как развитие мысли Вебера о легитимности государственного порядка. Стоит также отметить, что все три признака обнаруживаются в Московском государстве XVI и особенно XVII века, хотя Стрейер вовсе не имел в виду Россию: свой портрет современного государства он рисовал с Англии и Франции.

В свое время М. Вебер считал, что «полностью развитая бюрократия выросла только на европейской почве». В том же европоцентристском духе рассуждал позднее и Джозеф Стрейер, по мнению которого, «неевропейские государства или подражали европейской модели, чтобы выжить, или, в противном случае, проходили через колониальный опыт, внедрявший значительные элементы европейской системы. Современное государство, где бы мы ни находили его сегодня, – писал американский историк, – основано на модели, возникшей в Европе в период

между 1100 и 1600 годами». В самой же Европе, по утверждению Стрейера, большинство государств копировали французский образец.

Не берусь судить об опыте колониальных стран, но применительно к Европе гипотеза о всеобщем копировании одного единственного образца (например, французского) не выдерживает критики. Разумеется, можно вспомнить немало примеров заимствования тех или иных правовых норм, образовательных учреждений, политических идей, религиозных обрядов, военных технологий и многого другого, но трудно себе представить перенос на новую почву всех государственных институтов сразу и целиком; мне, по крайней мере, такие случаи неизвестны.

В последние годы прежняя традиция противопоставления запада и востока Европы начинает уступать место тенденции к выявлению общего между ними. Так, в новейшем кембриджском учебнике по истории Европы раннего Нового времени (1450–1789), написанном Мери Виснер-Хэнкс, можно прочесть о том, что в 1600 году Стамбул был крупнейшим городом Европы с населением около 700 тыс. человек и что Османы в XV–XVI веках создали самую эффективную армию в Европе – в том, что касалось вооружения и системы снабжения, а султаны, хотя в теории и считались абсолютными монархами, в реальности редко покидали свои дворцы, доверив повседневное управление чиновникам во главе с великим визирем, чья должность стала наследственной.

Как видим, если считать обнаруженную Максом Вебером тенденцию к деперсонализации управления главным признаком формирующегося современного государства, то Турция XVI–XVIII веков вполне подходит под это определение.

Сказанное выше об Османской империи во многом справедливо и в отношении России XVI–XVII веков: русские цари, подобно султанам, мало вмешивались в повседневную жизнь своих подданных, управляя огромной страной при помощи чиновников, число которых постоянно росло. Делегирование властных полномочий государя его советникам и постепенная бюрократизация управления заметны в Московском государстве уже со второй половины XV столетия.

Таким образом, деперсонализация управления является родовой чертой современного государства, где бы мы его ни обнаружили: во Французском королевстве, Османской империи или Московии. По поводу других признаков этого государства ученые не пришли еще к консенсусу, поэтому его общеевропейская модель остается пока недостроенной. Тем не менее, не особо рискуя ошибиться, можно назвать некоторые приметы интересующего нас явления.

Прежде всего, такой приметой служит суверенитет, т. е. независимость от других правителей и верховенство во внутренних делах, – собственно говоря, притязание на суверенитет можно считать первым признаком жизни новорожденного государства, его заявкой на самостоятельное существование. Кроме того, государство раннего Нового времени, как правило, обладало собственной территорией и четко определенными границами, что резко контрастировало с предшествующим (средневековым) периодом, когда чересполосица владений была обычным явлением.

Характерной чертой этого формирующегося современного государства было переплетение на каждом шагу публичной власти и частных интересов, патриархальной идеологии и бюрократических приемов управления. Нужно также учесть, что государственное строительство требовало участия, больших затрат, а порой и жертв от различных социальных групп, вовлекая их представителей (добровольно, но нередко и принудительно) в процесс управления страной: так новорожденное государство становилось институциональным «каркасом» для формирующегося общества.

Заметим, что в приведенной выше характеристике европейского государства раннего Нового времени ни слова не было сказано о его размерах или о способе формирования его территории: возникло ли оно, например, путем «собирания земель» или, наоборот, в результате

дробления какого-то рыхлого политического образования. Дело в том, что эти обстоятельства относятся к местным особенностям описываемого процесса, но никак не к природе современного государства.

Нередко в нашей научной и учебной литературе проводятся параллели между образованием единого Русского государства при Иване III и синхронными процессами политической централизации во Франции времен Людовика XI и в Испании после объединения королевств Кастилии и Арагона (1492). Однако подобное сравнение скорее запутывает дело, чем проясняет его. Действительно, во Франции и Испании, как и в России, сложились династические монархии, вобравшие в себя ранее самостоятельные территории, но на этом сходство и заканчивается. На самом деле и во Франции, и в королевствах Пиренейского полуострова многие важные институты современного государства, включая судебную и налоговую системы, а также представительные учреждения (соответственно, Генеральные штаты и кортесы), возникли задолго до того, как Иван III занял московский престол (1462), так что синхрония здесь только кажущаяся. Важное различие заключается также в том, что крупные и ранее самостоятельные политические единицы (графства, герцогства, королевства), ставшие частью объединенной Франции или Испании, сохранили значительный объем прав и привилегий, в то время как Новгород и другие земли, присоединенные к Москве, полностью потеряли свою автономию.

Тем моим читателям, которых не убедили приведенные выше соображения и которые продолжают считать, что сутью процесса образования государства являлось «собираание земель», я рекомендую внимательнее присмотреться к опыту Англии, Германии, Италии. Английский пример интересен тем, что эта страна очень рано обрела политическое единство: Англия стала единым королевством еще до норманнского завоевания (1066). Между тем формирование основных институтов раннемодерного государства (судебной и финансовой системы, парламента и т. д.) произошло там, по наблюдениям историков, в XII–XIII веках, т. е. на несколько столетий *позднее* объединения страны.

Германия и Италия, как известно, стали едиными государствами только во второй половине XIX века; до того там существовало множество различных политических образований: городских коммун, светских и церковных владений. Священная Римская империя, ядро которой составляли немецкие земли, представляла собой очень рыхлую политическую структуру и так и не стала современным государством; зато суверенные права присвоили себе крупные территориальные княжества, вроде герцогства Саксонского или ландграфства Гессенского. Не произошло политической централизации и в Италии раннего Нового времени: здесь признаки современного государства демонстрировали немногие уцелевшие республики (в первую очередь Венеция) и абсолютистские режимы вроде великого герцогства Тосканского или Папской области.

Как видим, формирование государства Нового времени отнюдь не всегда и не везде сопровождалось «собираанием земель» и объединением страны: это *разные* процессы, которые в некоторых случаях переплетались, как это произошло во Франции, Испании и России. Важно также учесть, что претензии на суверенитет и некоторые другие признаки новой государственности демонстрировали не только победители, но и те политические образования, которые, подобно Бургундскому герцогству на Западе или Твери и Великому Новгороду на Руси, проиграли более сильным соперникам и исчезли с карты Европы к концу XV века. А ведь при благоприятных обстоятельствах у них также был шанс стать независимыми государствами! Поэтому при изучении интересующего нас явления мы должны обращать главное внимание не на внешние приобретения того или иного правителя, а на внутренние перемены во властных отношениях и сопровождавшие их социальные сдвиги и изменения в идеологии.

Описанная выше общеевропейская модель современного государства не учитывает региональные различия, а они были весьма велики. Прежде всего, сам процесс его формирования в

разных частях Европы протекал отнюдь не одновременно: на Западе он начался на несколько столетий раньше, чем в Северной и Восточной Европе. Так, в Англии и во Франции, по наблюдениям Дж. Стрейера, идея суверенитета вполне отчетливо проявилась уже около 1300 года, а в России, как мы увидим, она была осознана только в XV веке.

В той же последовательности, с запада на восток, появлялись совещательные и представительные учреждения парламентского типа. В конце XII–XIII веке сформировались кортесы пиренейских королевств (Кастилии, Каталонии, Арагона, Валенсии); в 1265 году возник английский парламент; в 1302 году были впервые созваны французские Генеральные штаты. Но в Центральной, Восточной и Северной Европе подобные собрания, объединявшие высших сановников Короны и представителей сословий страны, вошли в практику только в XV–XVI веках: со второй половины XV века стали созываться Государственное собрание Венгрии и сословные съезды в Дании; регулярная работа польского сейма началась в 1493-м, а германского рейхстага – в 1495 году. Хотя традиция называет первым шведским риксдагом собрание сословий в Арбуге в 1435 году, постоянным учреждением риксдаг стал только в 1520-х годах при Густаве Вазе. В том же ряду уместно назвать и московские соборы (обычно именуемые в нашей литературе «земскими»): их история, о которой мы подробнее расскажем в одной из глав этой книги, началась в середине XVI века.

Дело, однако, не только в более позднем оформлении государственных институтов Нового времени в странах Центральной, Восточной и Северной Европы по сравнению с Западом. В аграрных и слабо урбанизированных регионах модерное государство вырастало на другой материальной основе и в иных социальных условиях, чем в районах, где процветала торговля и существовали богатые города.

В 1918 году австрийский экономист Йозеф Шумпетер выдвинул идею постепенного перехода от средневекового «домениального государства» к характерному для Нового времени «налоговому государству». Речь шла о том, что поначалу европейские правители могли рассчитывать только на доходы от своих родовых владений (домена) и лишь потом основой государственных доходов стали налоги с населения. Некоторые исследователи считают схему Шумпетера чересчур упрощенной, но все же с определенными поправками она продолжает использоваться в современной научной литературе.

На богатом Западе короли, постоянно нуждавшиеся в деньгах, прибегали к займам у банкиров и ростовщиков, а также стали вводить прямые налоги, оправдываемые военными нуждами: во Франции постоянный налог (так называемая «талья») был введен в 1439 году, в разгар Столетней войны. К концу Средневековья регулярные налоги являлись основным источником доходов казны только в трех королевствах (Франции, Англии и Кастилии) и некоторых итальянских городах. Все остальные европейские государства оставались, по терминологии Шумпетера, домениальными, т. е. там правителям приходилось довольствоваться доходами с собственных земель. В ряде немецких княжеств переход к «налоговому государству» происходил в течение XVI века, но в Пруссии еще в конце 1770-х годов почти половина доходов поступала из королевского домена. Дания оставалась «домениальным государством» по крайней мере до середины XVII века. В России огромный фонд государственных земель, считавшихся царской вотчиной, долгое время служил материальным фундаментом строительства армии и решения других важнейших задач. Лишь реформы конца XVII – начала XVIII века ознаменовали переход к созданию «налогового государства».

Нехватка денежных средств и важная роль земельных ресурсов в странах Центральной, Северной и Восточной Европы приводили к консервации здесь патриархальных и патримониальных (по-русски – «вотчинных») отношений. Поэтому вряд ли случайно установление крепостного права в Польше, Венгрии, Чехии, Восточной Германии, Дании, России.

Наконец, в политике патриархально-вотчинные отношения могли стать питательной почвой для абсолютизма и даже деспотизма – читатель вспомнил здесь, вероятно, об Иване Гроз-

ном, но нечто подобное самодержавию, только в более скромных масштабах, можно было найти в некоторых германских княжествах, владельцы которых распоряжались ими по собственному произволу.

Итак, мы выяснили некоторые «фамильные» черты современного государства, которые, несмотря на ряд местных и региональных особенностей, были присущи и России интересующей нас эпохи. Теперь самое время от общей схемы перейти к конкретным событиям XV–XVI веков и проанализировать обстоятельства, при которых произошло рождение государства в Московской Руси.

Глава 1. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ЕГО СОСЕДИ В 1425 ГОДУ

Хотя история непрерывна и любые периодизации условны, все же выбор отправной точки при рассмотрении какой-то проблемы имеет значение, ведь тем самым задаются рамки «оперативного поля», в котором исследователь ищет признаки интересующего его явления. В нашей литературе принято начинать разговор о формировании единого Русского государства, что называется, издалека – с начала XIV или даже с конца XIII века. В этом я вижу влияние давней историографической традиции, восходящей к Карамзину и Соловьеву, в которой монографическое изучение конкретной, хотя и очень большой проблемы – возникновения новой русской государственности – подменяется эпическим рассказом о нескольких веках отечественной истории. Многие ученые отдали дань этой традиции.

А между тем, даже если понимать образование государства в привычном смысле, как объединение Руси под властью Москвы, то и в этом случае нет оснований начинать с Ивана Калиты, не говоря уже о предыдущих московских князьях. Как отмечают современные исследователи, какая-то сознательная политика объединения русских земель вокруг Москвы или иного политического центра не наблюдается до конца XIV века. И уж тем более преждевременно говорить о формировании в ту эпоху структур управления, характерных для современного государства.

Выбранная мной в качестве отправной точки дата – 1425 год – это год смерти великого князя Василия I, за которой последовала затяжная династическая война между князьями московского правящего дома, приведшая к большим переменам и в статусе великокняжеской власти, и в общей расстановке сил на Руси. Поэтому указанная дата, при всей ее условности, служит некой гранью, отделяющей период так называемой раздробленности от последующей эпохи рождения государства.

В начале XV века Русь сохраняла единство только в церковном отношении, будучи одной митрополией (киевской и всея Руси), подчинявшейся Константинопольскому патриархату. В политическом же плане она представляла собой сложный конгломерат земель, обладавших разной степенью автономии и входивших в разные государственные образования.

Сильнейшей державой Восточной Европы в описываемое время было Великое княжество Литовское. Встречающееся в нашей литературе утверждение, будто оно играло роль альтернативного (по отношению к Москве) центра объединения русских земель, не соответствует действительности. Литовские князья никогда не ставили перед собой такой задачи («объединение» не стоит путать с широкой экспансией, которую они вели на восточнославянских землях начиная с XIII века). К концу следующего столетия им удалось овладеть значительной частью киевского наследия, включая и сам Киев, который был присоединен к литовским владениям в 1360-х годах. Наивысшего могущества Литовская держава достигла при великом князе Витовте (1392–1430). Его продвижение на восток увенчалось взятием Смоленска в 1395 году; затем, после кратковременного возвращения в город местных князей, эта пограничная крепость была повторно захвачена войсками Витовта в 1404 году и в дальнейшем более ста лет находилась в составе Великого княжества Литовского. Но, каковы бы ни были успехи литовских князей, они не могли претендовать на роль объединителей русских земель – уже хотя бы потому, что в 1386 году, после унии Литвы с Польшей, приняли католичество. Сосуществование в великом княжестве многочисленного православного населения с католической правящей элитой таило в себе угрозу раскола страны, опасность которого стала реальностью в 1430-х годах, после смерти Витовта, и вынудила литовские власти пойти на уступки православной знати.

Что касается Северо-Восточной, или Московской, Руси, которая служит главным объектом нашего внимания, то она в первой четверти XV века по-прежнему находилась под верховной властью Орды. Впрочем, эта зависимость не была столь тяжелой, как в первые сто лет после нашествия Батые.

С 1360-х годов Орда вступила в полосу внутренних междоусобиц и фактически раскололась на две враждующие половины. В Западной Орде власть захватил беклярибек¹ Мамай. Не будучи Чингисидом, он не мог сам занять престол, но зато назначал угодных ему ханов. Временами ему удавалось контролировать и столицу всей Орды – Сарай.

Русские князья использовали ослабление Орды в своих интересах. Когда в 1374 году Мамай прислал на Русь внеочередной «запрос», т. е. требование дополнительной дани, великий князь московский Дмитрий Иванович ответил отказом, что означало открытый разрыв и объявление войны ордынскому временщику. 8 сентября 1380 года войско Мамаева было разбито на Куликовом поле коалицией князей во главе с Дмитрием Московским (за эту победу благодарные потомки удостоили князя почетного прозвища «Донской»). Поражением Мамаева воспользовался его соперник Тохтамыш, из рода Чингисидов, который сумел на некоторое время восстановить единство Орды. Власть законного хана поспешили признать русские князья, включая и Дмитрия Донского, но с выплатой дани они не торопились, и тогда Тохтамыш предпринял карательный поход на Русь – внезапно подойдя в августе 1382 года к стенам Москвы, он обманом взял город и сжег его.

Выплата ордынской дани возобновилась, но о возвращении к временам Батые речи уже не было. Тохтамыш вынужден был считаться с реальным соотношением сил на Руси: он не только сохранил ярлык на великое княжение Владимирское за Дмитрием Донским, но и, как полагают исследователи, санкционировал передачу его по наследству сыну московского князя Василию Дмитриевичу. Тем самым старшинство среди русских князей закреплялось за родом Калиты, а территория великого княжения с городами Владимиром, Костромой и др. сливалась с вотчиной московских князей.

В духовной грамоте (завещании) Дмитрия Донского, составленной незадолго до его смерти, в апреле-мае 1389 года, говорится: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем». Но в том же документе есть еще одна примечательная фраза: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут (не будут должны. – М. К.) давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть». Какая «перемена» в Орде имела в виду, становится ясно из договора великого князя Дмитрия Ивановича с двоюродным братом Владимиром Андреевичем Храбрым (одним из героев Куликовской битвы) от 25 марта 1389 года. Говоря о распределении доходов с территории Московского княжества, великий князь предусмотрел и такую возможность: «А оже ны (если нас. – М. К.) Бог избавит, освободит от Орды, ино мне два жеребья, а тебе треть».

¹ Один из высших титулов в ордынской иерархии: командующий войсками, глава верховного суда, фактически второе лицо после хана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.